

Глава 26. Обет Ханьчжану

Е Цинжан, забавляясь тем, как Ханьчжан пытался коверкать его имя на манер Лао Цзяна, с улыбкой сказал:

— Зови меня просто Е Цинжаном. Похоже, Лао Цзян тебе толком ничего не объяснил. На самом деле не так давно мы втроем прошли через то же самое. К счастью, обошлось без последствий. Очнувшись, каждый из нас ощутил небывалый прилив сил и обострение всех чувств. Разумеется, изменения индивидуальны — тут у каждого свой опыт.

— Мы сами опередили тебя всего на пару дней, так что подробностей знаем не больше твоего, — продолжил он. — Я немного смыслю в медицине. Заражение вирусом зомби изначально проявлялось затяжной, несбиваемой лихорадкой. Полагаю, этот жар — следствие стремительной клеточной мутации. Те, чей организм не справился с бурным перерождением, превратились в монстров. У нас же процесс прошел мягче: клетки адаптировались и восстановились, что в итоге принесло колоссальную пользу, многократно укрепив тело.

Чем дольше Хуа Ханьчжан слушал, тем отчетливее на его лице проступало изумление, смешанное с облегчением. Если слова Е Цинжана верны, то это было не проклятием, а настоящим благословением.

— Ханьчжан, скажи, а до начала апокалипсиса у тебя случались приступы беспричинного жара? — поинтересовался Е Цинжан.

Собеседник на секунду растерялся, но тут же кивнул:

— Да, было дело. Температура поднялась совсем немного, так что я не придал этому значения. И да, давай без официоза — зови меня просто по имени.

— В таком случае все сходится. Скорее всего, еще тогда наши тела прошли первичную перестройку. И я уверен, подобные метаморфозы повторятся, раз за разом совершенствуя наши способности.

Смелая теория заставила сердце Хуа Ханьчжана забиться чаще, однако врожденная рассудительность быстро взяла верх:

— Звучит логично. По крайней мере, пока все перемены нам только на руку. И все же мы дилетанты. Полноценные ответы смогут дать только ученые и вирусологи. Если мы доберемся до Пекина, то наверняка получим куда более ясную картину.

— Наша цель — тоже Пекин, — отозвался Е Цинжан. — Правда, в пути мы наверняка задержимся. Если ты торопишься, можем разойтись прямо сейчас. Но если не возражаешь против компании, давай путешествовать вместе. Выбирай, как тебе удобнее.

Хуа Ханьчжан горько усмехнулся, и в его голосе зазвучала искренность:

— Вы ведь уже знаете о вчерашнем? Если я рискну добираться на север в одиночку, это путешествие превратится в дорогу на плаху. Я вижу, что вы люди непростые и надежные. Если не боитесь нажить из-за меня лишних проблем, я буду рад составить вам компанию. А в Пекине перед вами откроются любые двери.

Е Цинжан переглянулся с Хэ Чэншуаном и весело хмыкнул:

— Ну, если соберемся вчетвером, то неприятностями нас точно не напугать. Чем их больше, тем веселее.

Закончив с разговорами, Е Цинжан принялся за завтрак. Хотя Хуа Ханьчжан ел всего пару часов назад, молодой и стремительно меняющийся организм успел все переварить без остатка, так что он без лишней скромности присоединился к трапезе.

Поначалу Хэ Чэншуан кривился от присутствия чужака за столом, но, заметив, как непринужденно тот болтает с Лао Цзяном, смягчился. Обычно за обедом весело переговаривались лишь они с Е Цинжаном, пока Лао Цзян молча сосредоточенно работал ложкой. Теперь же за столом царило на удивление приятное оживление.

Они с Лао Цзяном были не разлей вода вот уже четырнадцать лет, и Хэ Чэншуану меньше всего хотелось видеть верного соратника одиноким бобылем. Беда в том, что бедняга Лао Цзян, стоило ему заговорить чуть дольше обычного, тут же выдавал свое косноязычие, да и друзей заводить не умел, привыкнув лишь беспрекословно следовать за своим вожаком.

В прежние времена Хэ Чэншуан знатно ломал кости любому, кто смел зубоскалить над Лао Цзяном. И если бы изнеженный столичный барчук позволил себе хоть каплю высокомерия в адрес его верного друга, Хэ Чэншуан без раздумий вколотил бы в него уважение. К счастью, молодой господин Хуа оказался парнем неглупым и спесью не страдал — он искренне и с явным удовольствием беседовал со своим спасителем.

После завтрака, пока Е Цинжан и Хуа Ханьчжан убирали со стола, Хэ Чэншуан выманил Лао Цзяна во двор. Они устроились под раскидистым платаном. Крупное лицо Лао Цзяна хранило привычную маску невозмутимости, но в глубине глаз плясали самодовольные искорки. Оглядевшись, он заговорщически вытащил из-за пазухи нефритовую подвеску и показал ее названному брату.

Прислонившись спиной к шершавому стволу, Хэ Чэншуан насмешливо прищурился:

— Ну и ну. Неужто положил глаз на нашего столичного феникса?

Лао Цзян солидно кивнул и со всей серьезностью выложил свои соображения:

— Босс Хэ, ты ведь сам раньше твердил: таким, как мы, лучше всю жизнь бобылями куковать. Мол, сходиться с кем попало — тоска смертная, да и портить жизнь приличным людям грешно. А сам-то? Глазом моргнуть не успел, как спелся с Цинжаном!

При воспоминании об этой несправедливости великан даже обиженно засопел:

— Между прочим, я тебя на целых два года старше, мне тоже давно пора свить гнездо. Как увидел его в первый раз, так он из головы и не шел. А вчера разглядел, кого волокут эти ублюдки, и вытащил без долгих раздумий. И ведь я ему тоже мил — он мне свою любимую подвеску отдал. Считай, залог любви. Обручились мы.

Хэ Чэншуан судорожно дернул углом рта.

«Мать твою, — мысленно выругался он, — каких дебильных романов этот дуб наглотался? Какое к черту обручение? А у самого барчука спросить не забыл?»

Вслух же он скептически протянул:

— И давно ты бабьими романами увлекся? Залог любви, надо же... А сам изнеженный молодой господин согласен на твою кандидатуру?

Лао Цзян мгновенно сдулся и уныло повесил голову:

— Вот только Цинжан намекнул, что Ханьчжан из какого-то знатного столичного клана. Если я сунусь к ним, его родня костями ляжет, но нас разведет...

Хэ Чэншуан, решив не мешать чужому безумию, разухабисто ухмыльнулся:

— Да плевать на его семейку! Упрутся рогом — бегите. Ты мужик здоровый, руки-ноги на месте, силой бог не обделил. Неужели любимого не прокормишь?

Лао Цзян так и просиял. Простые слова вожака мигом вымели из его души все сомнения, оставив лишь железную уверенность в собственной правоте.

Хэ Чэншуан поначалу просто зубоскалил, но под конец его голос заметно посуровел:

— В этих богатых змеиных гнездах ловить все равно нечего. Если у Хуа Ханьчжана есть хоть капля ума, он такого парня, как ты, ни на кого не променяет. Но запомни одну вещь: если это у тебя просто минутная блажь — даже не приближайся к нему. А если полюбил по-настоящему — будь верен до гроба. Если узнаю, что ты обидел его или предал, пеняй на себя. Сразу вышвырну из банды, и забудь, как меня зовут.

Едва Хуа Ханьчжан с Е Цинжаном переступили порог дома, как они услышали возмущенный рев Лао Цзяна:

— Босс Хэ, да как у тебя язык повернулся такое сказать?! Я тебе не какой-нибудь коварный изменник или подлец, бросающий близких ради выгоды!

Путники невольно притормозили. Услышанное рождало слишком много странных вопросов. Переглянувшись, они без слов сошлись на том, что лучше сделать глухой вид, дабы не ворошить чужие скелеты в шкафу.

Их маленький отряд снова двинулся в путь. С появлением Хуа Ханьчжана монотонная дорога на север потеряла для Лао Цзяна всякую скуку — он буквально светился изнутри.

Устроившись поудобнее, Е Цинжан вполголоса спросил Хуа Ханьчжана:

— Есть какие-то догадки насчет вчерашнего? Не думаешь, что ниточки тянутся к твоей родне?

Тот покачал головой:

— Маловероятно. Замысли брат или сестра недоброе, меня бы уже везли в гробу, а не пытались брать живьем. К тому же они с пеленок мнили себя гениями, а меня считали никчемным балластом. Стал бы кто-то из них разводить такую канитель посреди Сычуани ради пустого места? Едва ли.

— Тогда... может, успел насолить кому-то со стороны?

— И тут мимо. Смотри сам. Во-первых, таинственный кукловод нанял местную банду вроде «Синьбан», вместо того чтобы задействовать своих людей. Значит, здесь у него нет влияния. Во-вторых, плата за мою голову — еда и элитное жилье. В нынешних реалиях зон безопасности подобные блага за простые бумажки не купишь; тут замешан кто-то очень влиятельный. В-третьих, приказ взять меня непременно живым говорит о том, что я нужен как разменная монета. А какая от меня польза, кроме как надавить на семью Хуа? Я покинул Пекин больше двух месяцев назад. Там сейчас наверняка черт ногу сломит, связь лежит, так что новостей с родины у меня крохи.

Поразившись тому, как ловко парень восстановил всю картину по паре обрывочных фраз похитителей, Е Цинжан не удержался от иронии:

— Да уж, желтая пресса — зло. Стоило раньше услышать твое имя, как память услужливо подсовывала ярлыки капризного мажора и никчемного гуляки. Теперь вижу, грош цена этим пересудам.

Собеседник мгновенно обдал его ледяным взглядом:

— Обычное дело. Мои дражайшие родственнички годами из кожи вон лезли, чтобы меня считали законченным дегенератом. А я и рад подыграть — меньше спроса, тише жизнь. Все сыты и довольны.

Е Цинжан с легким прищуром закинул удочку:

— Но теперь-то правила игры изменились. Если ты пробудишь в себе по-настоящему грозную силу, кто помешает тебе перевернуть эту доску вверх дном?

Хуа Ханьчжан мгновенно уловил намек, и в его глазах вспыхнул дерзкий огонек:

— Для чужаков империя Хуа — золотая жила, а для меня — увядший сорняк. Даром не сдалась! Если я и впрямь обрету силу, способную защитить мою жизнь, то направлю ее лишь на то, чтобы раз и навсегда разорвать пуповину, связывающую меня с этим гнилым болотом. Земля велика, неужели я не найду места для вольной жизни?

Е Цинжан невольно проникся уважением к его свободолюбию и согласно вздохнул:

— И то верно.

— Да корень зла тут один — твой папаша, — бесцеремонно вклинился в разговор Хэ Чэншуан.
— Жил бы с семьей спокойно, так нет же, потянуло кобеля налево, баб портить.

Хэ Чэншуан безжалостно наступил на самую болезненную мозоль парня. Е Цинжан предостерегающе зыркнул на своего мужчину, но тут же вспомнил перипетии его собственного детства и проглотил готовую сорваться отповедь.

Хуа Ханьчжан ожидаемо помрачнел. Он долго молча смотрел на проплывающий за окном пейзаж, прежде чем глухо произнести:

— Мой дед по матери жил в Сучжоу. Мама, когда сошлась с отцом, понятия не имела, что тот давно и прочно женат. Впрочем, понести от заезжего гостя без венчания и штампа — глупость несусветная. Хуже всего, что она искренне верила его сказкам о несчастливом браке и неземной любви к ней одной. Глупая... Она и не подозревала, что для него это была обычная интрижка, а я родился по чистой нелепости. Приехав со мной на руках в Пекин, она наконец увидела реальность. Удар был страшный. Она и так здоровьем не отличалась, а тут угасла за считанные месяцы, уйдя в могилу даже раньше деда.

Он горько хмыкнул:

— Когда дед умер, меня привезли в столицу. Было мне тогда от силы лет пять. Законные дети Хуа Минжуня оказались старше меня почти на десяток лет... О них даже вспоминать противно. Сам отец обеспечивал меня кровом и едой, но на этом его участие заканчивалось. Самое

поразительное, что единственным приличным человеком в этом доме оказалась его законная жена. Глупо ждать от нее материнской нежности, но она никогда не попрекала меня моим происхождением. Заботилась о моей одежде, еде и учебе со всей тщательностью, без лишних слов.

— Поистине мудрая женщина, — тихо заметил Е Цинжан. — Редкое благородство духа.

— Вот именно. В детстве я винил во всем мамину несчастную долю и подлость отца. Но взрослея в этом террариуме, я понял: на этой земле никому не бывает легко. Просто кому-то дано право выбора, а кто-то скован по рукам и ногам обязательствами и долгом.

Е Цинжан вдруг негромко рассмеялся, разряжая обстановку:

— Послушать нас, так в этой машине собрался клуб обиженных судьбой — один несчастнее другого. Ты только на резкость Чэншуана не обижайся. Ему самому в детстве досталось так, что твои столичные драмы на этом фоне кажутся детским лепетом.

Хуа Ханьчжан понимающе кивнул:

— Я не в обиде. В конце концов, я рос барчуком и ни разу в жизни не голодал. Грех жаловаться на судьбу, когда миллионы людей всю жизнь проводят в настоящем аду.

За разговорами время пролетело незаметно. Внедорожник плавно свернул с проселочной грунтошки и выкатился на широкое шоссе. Проехав совсем немного, они уперлись в затор: впереди выстроилась вереница машин, преграждавших путь. Возле них толпились люди, отчаянно и шумно споря о чем-то, однако из-за расстояния разобрать слова было невозможно.

<http://bllate.org/book/19006/1961391>